

Господин Гигант-усач¹

Перевод с вьетнамского Игоря Бритова

МОЯ деревня расположилась на небольшом острове посреди реки Хау². Чтобы обойти его прогулочным шагом, понадобится всего часа три-четыре. Остров называется Контэ, в длину он километра два-три, а в ширину довольно узкий — с одного края хорошо виден противоположный берег этого омываемого речными водами участка земли. По всей его территории разбросано несколько сотен домов, окруженных фруктовыми садами и бамбуковыми зарослями. Остров утопает в зелени деревьев и травы. Больше всего здесь комбретума, хотя никто его не высаживает и ни в какое дело не употребляет. Также много здесь коралловой кассии. Когда она зацветает, раскрашивая деревню ярко-красным цветом, вот уж поистине глаз радуется, правда, ее твердые черные плоды годятся разве чтобы отбиваться от стай собак. Большинство жителей деревни занято рыболовством, кто-то зарабатывает на жизнь плетением рыбацких сетей, а тех, кто пашет землю, у нас единицы. Поля тут крохотные, размером с циновку, уро-

© Игорь Бритов. Перевод, 2018

Рассказ публикуется с разрешения Союза вьетнамских писателей.

1. Гигантский усач — вид крупных растительноядных рыб из семейства карповых. Распространен в реках Индокитая. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2. Хау — река на юге Вьетнама. Действие происходит на юге Вьетнама в годы войны Сопrotивления.

жая риса не хватает даже на прокорм кур. Короче говоря, жизнь в моей деревне бедная, и это несмотря на то что совсем рядом находится провинциальная столица. А с берега острова виден город Лонгсуен, в глаза бросаются высокая крыша тамошней церкви и рыбный рынок у пристани, вокруг нее все водное пространство усеяно джонками и сампанами.

И вот однажды в мою деревню приехала театральная группа. По правде говоря, она оказалась низкого пошиба, так о ней у нас отзывались. За те недолгие вечера, что артисты выступали в общинном доме¹, посмотреть на них пришло лишь несколько человек, зато вне его стен — на улице — нас, резвившейся ребятни, была тьма. Когда же актеры свое отыграли, деревня радостно загудела. А все потому, что импресарио объявил о роспуске группы. “Распускаю прямо сейчас, не сходя с этого места”, — держал он речь. Он также пообещал выплатить деньги за прошедшие выступления и предложил актерам оставить у себя театральные костюмы, в которых они выходили на сцену. Каждый из них мог идти куда угодно. Сам он с женой намерен был первым делом отправиться на рынок Лонгсуен, чтобы узнать местные цены и решить для себя, стоит ли там торговать крабами или открыть харчевню — кормить посетителей кашей с требухой. От такой новости актеры пришли в волнение: куда теперь податься, чем заняться на этом острове? Коль судьба прижала к стенке, надо выкручиваться: уже следующим утром они, так и не смыв с лица грима, стали распродавать местным жителям по дешевке свои сценические наряды, а потом, помахав рукой, подзывали лодочников, садились в сампаны с мотором и уплывали, кто — в Тьомой, кто — на остров Зиенг, что находятся ниже по течению реки, а кто держал курс в противоположном направлении, к далеким Гантяу или Хонггы. Для нас, детворы, родители накупили по бросовым ценам полным-полно этого актерского одеяния, вот радость-то, и все то утро мы примеряли императорское облачение с вышивкой дракона, оно было у каждого из нас, кому-то еще достались парчовые платья принцев и принцесс, кто-то напялил на себя черную мантию судьи Бао Конга, в которой актер выходил на сцену, когда выносил приговор злодею Куань Хоэ, среди доставшегося нам реквизита были и длинные кофты ниже колен, поэтому не было надобности поддевать брюки. Наша радость была беспредельна! Вот уж поистине да здравствует актерская братия!

1. Общинный дом (динь) — постройка для сбора жителей общины, место народных собраний.

Двое из труппы никуда не уплыли, а попросились остаться в деревне. Это актриса Хонг Диеп и актер Хоанг Зьонг. Построив хижину на стрелке острова, Хоанг Зьонг решил стать рыбаком — ловить сетью гигантского усаца. А Хонг Диеп пошла в помощницы к хозяйке местной кафешки.

Однажды я забрел в ту часть острова, где обосновался Хоанг Зьонг. Здесь участок суши острым углом, словно носом корабля, врезается в воду, и река расходится на два рукава. Сидя на корточках, актер наблюдал за струившимися потоками воды. Я подошел к нему и, желая познакомиться, угодливо проговорил:

— Хоанг Зьонг, вы здорово играли в туонге¹!

Обернувшись, он недоверчиво посмотрел на меня:

— В твоей деревне я ни разу не выступал. Когда ты видел меня на сцене? Из-за того что Хонг Диеп болела, я пропустил спектакли. Мы с ней всегда выступали на пару. Тебе доводилось видеть ее?

— Да, видел... она мыла посуду в кафе тетюшки Ба.

Если честно, я не знал, как играет на сцене Хоанг Зьонг, я видел его лишь во дворе общинного дома, где он гримировался на роль То Кап Вана²: лицо у него было раскрашено в зеленый цвет, наклеены густые брови, вокруг глаз была наложена белая краска, белыми были и ресницы. Присев на корточки, актер разложил карты и позвал нас, пацанов, сыграть с ним на мелочь. Он внимательно следил, сколько падает со звоном монет на кон и сколько денег снимает выигравший партию, при этом не забывал прислушиваться к тому, что происходило на сцене. Когда там прозвучал вопрос: “А где воины?” — Хоанг Зьонг тут же во весь голос прокричал: “Здесь мы!” и, обратившись к нам, попросил: “Эй, вы, давайте горланьте вместе со мной что есть мочи!”

...Сейчас он, тяжело вздохнув, заверил:

— Ты не обознался, я действительно актер Хоанг Зьонг. Но ты зови меня просто Шау Зьонг, так меня называют дома³. Я родился в Жатъзя, там же и родина Хонг Диеп. Наши семьи жили рядом. Вместе с ней мы стали выступать в туонге, вместе везде ездили. А теперь оба здесь осели. Судьбе, видать, так угодно.

1. Туонг — вьетнамская классическая опера; считается высоким театральным искусством.

2. То Кап Ван — герой спектакля туонг.

3. У вьетнамцев есть несколько категорий имен. Шау Зьонг, скорее всего, домашнее имя. “Шау” означает “шестой”. Во вьетнамских семьях раньше было много детей, и проще всего считалось “присвоить” им в качестве имени порядковый номер по старшинству.

Я попытался возразить:

— Но разве вас кто-то принуждает тут оставаться? Другие вот захотели уехать — они и подались в другие края!

Шау Зыонг недовольно ответил на это:

— Что ты, малец, понимаешь?! Где жить и куда ехать — этот выбор у взрослых не всегда зависит от их хотения. Ты мне лучше покажи места, где водится гигантский усач. Я поймаю несколько штук, продам, и, глядишь, вырученных денег хватит, чтоб пережить это нелегкое для меня время.

Шау Зыонг купил сампан и приобрел несколько рыболовных сетей. Их он расставил на разных участках реки в надежде поймать гигантского усача. У нашей деревни этой рыбы водится предостаточно. Но она прячется на дне в расселинах, и никто не может сказать, где ее лучше ловить. Старики, а также торговцы рыбой с лодок, которые постоянно курсируют по реке, уверяют, что иногда им встречаются на пути всплывающие на поверхность усачи невероятных размеров — с лежак, от серебряного блеска их чешуи ослепнуть можно, глазищи у них, как две пиалы, этот гигант порой так плесканет, что поднимается большущая волна. Появляется разок и почти тут же исчезает, опускаясь на самое дно. Шау Зыонг с азартом гонялся за усачом. Бывало, целый месяц охотился на него, ни днем ни ночью не покидая лодки. Возвращался худющим, загорелым до черноты, с выпученными глазами, так как весь месяц тарачил их, чтоб не проворонить тот самый миг, когда вдруг вынырнет желанная рыба. Усач, оказывается, сообразительное создание, ему постоянно удавалось ускользать от Шау Зыонга. Эти рыбы всегда уплывали из тех мест, где он расставлял свои сети. Бывшему актеру не везло, однако он не отчаивался и подбадривал себя:

— Этот усач — настоящий дьявол, но и меня жизнь многому научила, я тоже не промах. Еще посмотрим, кто кого!

В одночасье Шау Зыонг стал заправским рыбаком, ничего больше не напоминало в нем актера. А Хонг Диеп по-прежнему мыла посуду в кафе тетюшки Ба. Иногда ее посылали на рынок за покупками. Время от времени ее бывший партнер по сцене заглядывал в это кафе выпить чашку кофе и поболтать с посетителями о рыбацкой жизни. Никто не видел, чтобы он хоть раз обмолвился словечком с Хонг Диеп, и она тоже не обращала на него никакого внимания, хотя часто проходила мимо стола, за которым он сидел.

Как-то раз один из посетителей по простоте душевной предложил:

— Тут у нас актер с актрисой, пусть разыграют сцену из тунга, давайте, мы посмотрим!

Хонг Диеп, поджав губы, ушла на кухню, всем своим видом показывая недовольство. А Шау Зыонг, смеясь, отнекивался:

— Надоело, хватит с меня лицедействовать, сейчас надо думать, как на жизнь заработать.

Хоть он и пытался убедить окружающих, что прошлая актерская жизнь его больше нисколько не интересует, однажды в разговоре со мной он ни с того ни с сего выложил все, что было у него на душе:

— Братец мой, ты даже представить не можешь, как же трудно быть взрослым. В кафе тетушки Ба ты часто бываешь? Хонг Диеп видел? Как она там? Знал бы ты, как же мучит нас все то, к чему мы успели прикипеть. Уже очень давно я люблю Хонг Диеп, еще с тех самых пор, когда мы с ней жили в своей родной деревне, тогда она была еще совсем молоденькой. Столько лет уже прошло, а я до сих пор так и не признался ей в своих чувствах.

— Так, она тут недалеко, чего вы не пойдете и не скажете ей все? — удивился я.

— Погляжу, ты больно умный, раз так — сам иди и скажи! Только о чем ей говорить-то, что я ее люблю? А если ей это не по нутру придется, мне тогда останется в реке утопиться, что ли? Ты еще мал и ничего не понимаешь в жизни, а жизнь — штука сложная, потруднее будет, чем усача выловить. Я для себя решил так: только когда буду уверен, что Хонг Диеп меня любит, только тогда откроюсь ей. Я никуда не опаздываю, чего суетиться-то?! Правда, тут одна загвоздка есть, кабы соперник не завелся и не увел ее. У тебя никаких дел нет, окажи мне услугу, сходи к кафе и последи за ней. Только из-за своей безумной любви к Хонг Диеп я оказался в трупке, хотя петь совсем не умел, но из кожи вон лез — учился и стал петь более-менее, а когда вместе с Хонг Диеп выступал, тогда у меня вообще хорошо получалось. Мне уже начало казаться, что все идет гладко, ну как лодка по течению плывет, и как знать, может, вскоре мы бы стали ведущими актерами, а там, глядишь, и поженились бы, кто ж мог предполагать, что наша труппа окажется провальной, просто чума какая-то, и толком-то еще не выступали, а труппа уже развалилась.

— И что вы решили?

— Что решил? Да буду усача ловить, а чего тут еще думать? Вот только голову даю на отсечение, что Хонг Диеп все никак не успокоится после случившегося с труппой, она еще вся в иллюзиях. Поэтому хочу кое о чем с тобой потолковать...

Шау Зыонг продолжал вступать в схватки со стаями речных усачей. Однажды ему в сеть попала огромная-преогромная рыбища, она отчаянно билась под водой, пытаясь вы-

рваться из ловушки. Бывший актер тут же прыгнул в реку, и на дне началась настоящая битва, отчего все вокруг забурлило. Вскоре всплыла содранная с рыбы чешуя, а вода от крови окрасилась в алый цвет. Закончилось это противостояние такой картиной: Шау Зыонг вынырнул из воды, в одной руке держит разодранную сеть, а другой рукой вытирает кровь на исцарапанном лице. Исход схватки он объяснил следующим образом:

— На этот раз я решил отпустить усача. Будем считать, что ведром для пойманной рыбы у нас служит река. — Обращаясь ко мне, он велел: — Иди в кафе и расскажи все тетушке Ба.

— А что рассказать-то?

— Все, что я говорил тебе тогда, когда мы с тобой толковали. Помнишь? Скажи все, слово в слово, не перепутай. Давай дуй быстрее.

Я припустился со всех ног к кафе тетушки Ба и, добежав, объявил ей:

— Тетушка Ба, Шау Зыонг говорит, что он со временем выкупит у вас Хонг Диеп.

— Чем выкупит?

— Гигантским усачом. Говорит, что заплатит вам рыбиной весом в двести килограммов и ни граммом меньше.

— Передай ему, пусть зайдет.

Месяц спустя Шау Зыонг выловил невероятно огромного усача. С большим трудом затащив рыбину в лодку, он тут же отправился к тетушке Ба. Разложенный прямо посреди кафе усач собрал толпу зевак, их восторгу не было предела. Сев за столик в углу, Шау Зыонг заказал чашку кофе. Усач широко раскрытым ртом то и дело хватал воздух, ударив несколько раз хвостом, он уставился выпученными глазищами на галдящую публику. Убирая со столов посуду, Хонг Диеп ни разу не посмотрела на рыбу и ни разу не бросила взгляда в сторону счастливого рыбака.

В зал вышла хозяйка кафе. Придвинув табурет, она села напротив Шау Зыонга:

— Это тот усач, о котором ты говорил? Ты притащил его сюда как выкуп за Хонг Диеп, да?

Гость, ничего не говоря, наклонил голову и взял чашку кофе. Тогда тетушка Ба продолжила:

— За что твой выкуп-то? Я приютила Хонг Диеп, с любовью к ней отношусь, забочусь о ней больше, чем о собственном ребенке, с какой стати, по-твоему, ее нужно забирать у меня? Ты-то ее прокормить сможешь? Так что давай допивай кофе, расплачивайся и ступай отсюда. А я разделаю рыбину, продам ее и отдам тебе за нее деньги.

Шау Зыонг сел в лодку и поплыл домой. Тетушка Ба разделала тушку усача и быстро распродала большое количество получившихся кусков. В тот же день она вместе с Хонг Диеп отправилась в город на рынок, где накупила для нее всякой всячины. После этого хозяйка кафе еще несколько дней подряд, неизвестно для чего, возила девушку в город.

Шау Зыонг, забросив дела, все это время не выходил из дома. Лежа со скрещенными ногами, он как-то спросил у меня:

— И как мне теперь быть? Какой твой совет, малец?

— Лучше всего, если вы наловите много усачей, продадите их, на вырученные деньги постройте просторный дом и пригласите к себе жить Хонг Диеп, — пробормотал я.

— А нужно ли все это?

— Очень нужно, — завопил я. — Или вы хотите, чтобы Хонг Диеп всю жизнь работала посудомойкой у тетушки Ба?

— Посудомойкой — не хочу. А чтобы она переехала жить сюда... Ладно, об этом я подумаю после. Сейчас скажи-ка мне, как по-твоему, для чего хозяйка кафе несколько дней подряд возила Хонг Диеп в город?

— Небось, показывала ее в разных театральных труппах.

— Разве такое может быть?

— Очень даже может быть.

— Видать, так оно и есть. Хонг Диеп и вправду нужно позаботиться о серьезном деле, ну а мне надо думать о том, как наловить усачей, это будет правильнее всего.

Так оно и оказалось, вскоре тетушка Ба каким-то образом пристроила свою посудомойку в одну из городских трупп. Это была совсем небольшая труппа, Хонг Диеп достались лишь второстепенные роли, но, несмотря на все это, девушка была рада. Уж точно это было лучше, чем мыть в кафе чашки да пиалы. Эта новость очень обрадовала Шау Зыонга. И так как в то время я каждый день ездил на учебу в город, он велел мне постоянно бывать на представлениях с участием Хонг Диеп и обо всем ему докладывать: в каком спектакле она играла, какую роль исполняла, во что была одета, каким был у нее грим... Однажды вечером я услышал, как над рекой разливается голос Шау Зыонга, он пел женскую арию из оперы туонг, я сразу смекнул, что это монолог, который на сцене исполняла Хонг Диеп:

Ох, любимый мой, я должна покориться судьбе.

Между нами навсегда разорвана супружеская нить.

Слезы льются ручьем; как цветок, растоптана моя честь.

Дорогой мой супруг, нарушила я обещание, но в том вина

не моя.

А в другой раз он спел всю оперу туонг от начала до конца, перевоплощаясь то в одного персонажа, то в другого, не пропустил он и роль жены воина, исполнив ее арию протяжным голосом, и это ему удалось лучше всего:

Жду не дождусь тебя, мой любимый.

Раздавшийся вдалеке бой барабана призвал моего супруга

в поход.

Страну защищая, знаешь ли ты, как, страдая, жена тебя ждет...

В один прекрасный день я явился к Шау Зыонгу с такой вот вестью:

— Хонг Диеп дождалась главной роли. У входа в театр вывесили афишу.

Он вытаращил на меня глаза:

— Что за фотография на афише?

— Да некрасивая какая-то. От дождя она вся расплылась. Но все равно узнать Хонг Диеп на фото очень даже можно.

— А с каким актером она в паре играет?

— Откуда же я знаю?! На афише только фото, а подписей нет.

Шау Зыонг весь ушел в свои мысли. В тот день он выловил здорового усача. Рыбища смотрела на него выпученными глазами, а он не отрывал взгляда от нее. Наконец он изрек:

— Так и быть, дай-ка я схожу туда, чего церемониться-то.

Он пошел не налегке, а прихватил с собой усача. Было принято выловленную рыбу продавать там же, где разделяешь ее. Шау Зыонг так и поступил. Однако место для этого выбрал прямо у входа в театр, под фотографией Хонг Диеп. Постукивая ножами, он зазывал прохожих, сначала предлагал им купить филе усача, а потом направлял за билетами в театр. Разошелся так, что запел, сочиняя по ходу дела слова. Песня получилась и про суп из усача, и про принцессу; она покончила с собой из-за измены любимого, и ее душа теперь мается в царстве мертвых.

Домой Шау Зыонг отправился в приподнятом настроении. Он позвал меня к себе ужинать и не отпускал до поздней ночи, увлекшись своим рассказом, хотя я уже клевал носом.

— Ты даже представить себе не можешь, как замечательно играет Хонг Диеп в туонге. Благодаря ее красоте и внутренней гармонии ей удастся любой образ на сцене, она чертовски талантливо исполняет роли принцессы и возлюбленной принца, роли сказочных персонажей Там и Кам, может легко перевоплотиться в служанку во дворце и жену важного сановника, сыграть простую крестьянку и надеть на себя маску неудачливой невесты...

— Разве один человек способен сыграть столько ролей? — удивился я.

— Она может сыграть все! — воскликнул бывший актер. — Лишь бы авторы поспевали писать тексты для новых постановок туонг. Я помню сцену, в которой Хонг Диеп в роли молодой женщины Нам Сьонг, сидя за ткацким станком, беспрестанно плакала, и плакала так, что я, хоть и исполнял роль бесстрастного героя, тоже расчувствовался до слез.

У меня были подозрения, что Шау Зьонг что-то путает в этой истории, но не смею утверждать, ведь я не разбираюсь в туонге, да и вообще это совсем неважно, так как труппа распалась, а вчерашний актер теперь гоняется за усачами. Меня больше интересовало другое: торговля рыбой у театра под афишей помогла ли труппе распродать больше билетов на спектакль с участием Хонг Диеп? Для меня это так и осталось тайной, покрытой мраком, но сам рыболов был очень доволен своей затеей и после этого стал одерживать победы в противостоянии с усачом. Выловив рыбину, он непременно тащил ее к театру и прямо у порога под афишей с фотографией своей любимой актрисы разделял речной трофеей на куски и продавал их. При этом он, как и в первый раз, распевал сочиненные им же куплеты, в которых любовь странным образом переплеталась с кушаньями из усача. Местные жители стали узнавать его в лицо, правда, никто из них не знал, что он бывший актер, никто не знал и его имени, его просто называли господин Гигант-усач.

Я вырослел, и у меня появились свои заботы и хлопоты. А Шау Зьонг старел. Общались мы редко, от случая к случаю. Как-то мне передали, что он просит меня зайти к нему. Когда я пришел, он с грустью произнес:

— Малец, послушай, что я тебе скажу...

— Извините, но я уже взрослый, — вспыхнул я. — Я окончил среднюю школу.

— Да все равно, какой ты взрослый? — усмехнулся Шау Зьонг. — Раз ты у нас такой ученый, тогда подскажи-ка мне: что мне теперь всю жизнь этих усачей ловить, что ли? Разве такой человек, как я, не годится на что-то большее?

Говоря все это, он смотрел на меня в упор. Его просьба тронула меня.

— Давайте обсудим.

— Давай обсудим, — откликнулся он. — Но только выпрямись. Ученики средней школы не сидят ссутулившись...

В те времена в нашей провинции прижилась традиция устраивать лодочные гонки. Они проводились ежегодно в сезон подъема воды. Инициаторами этих состязаний выступили

провинциальные власти, но важные чиновники появлялись лишь для проформы на открытии гонок, а настоящее веселье разворачивалось позже — с началом народных гуляний. Для соревнований был выбран как раз тот участок реки, где Шау Зыонг обычно расставлял свои сети на усача. Скорее всего, именно это и сподвигло его решиться на участие в гонках. Ход его мыслей, видимо, был таким: “Я лучше других знаю этот участок реки, поэтому запросто могу победить в соревнованиях”. Он напросился в одну из команд, куда его взяли рулевым. Как только это случилось, он тут же оставил в покое усачей и днями напролет стал тренироваться вместе с парнями из своей деревни, для поднятия их духа односельчане, стоя на берегу, били в гонг и подбадривали криками.

И вот настал день состязаний. Это было пятнадцатое июля по лунному календарю. Вода поднялась до самого края берега. Зрители толпились по ту и другую сторону реки. Уже скоро лодки выстроятся в одну линию на старте. Команды гребцов в синих штанах и красных рубашках ровными рядами сидели на веслах. Все суденышки были разрисованы драконами, а на носу лодок были изображены усачи с поднятыми кверху головами. На трибуне в белых костюмах на европейский манер по ранжиру расселись руководители провинции. Они курили, выпивали и болтали. Среди них была и актриса Хонг Диеп. Известное дело, на трибунах почетных гостей собирается весь цвет общества, как правило, приглашают и артистическую богему, точно так же бывает и на президентских приемах. Хонг Диеп не числилась среди знаменитостей провинции, но, тем не менее, ее многие знали, ведь она долгое время выступала на сцене, а когда, постарев, стала реже играть в театре, то активно занялась публичной деятельностью: принимала участие в праздничных мероприятиях, благотворительных акциях, в посадке цветов на кладбище или же размахивала флажками, приветствуя участников велогонок. Выглядела она сногсшибательно. Стала более солидной. Одета была так, словно супруга знатного туза. Запястья опоясывали золотые и нефритовые браслеты, на голове красовалась экстравагантная шляпа с широкими полями. Расположившись между губернатором провинции и его заместителем, Хонг Диеп вела с ними непринужденный разговор, попеременно наклоняя голову то к одному, то к другому своему собеседнику, при этом поля шляпы то и дело щекотали их шеи, отчего эти важные персоны беспрестанно хихикали.

Ровно в девять часов утра выстрелом из ружья был дан старт гонке. Гребцы синхронно подались вперед и со всей силы налегли на весла. Лодки рванули с места. Вода в реке

взволновалась, поднялись волны. Все вокруг загудело: с лодок доносилось “раз-два, раз-два”, совсем рядом раздавался гонг, а зрители, вскочив с мест, подбадривали команды громкими возгласами.

Сампан Шау Зыонга плыл к берегу ближе всех. Я бежал рядом и, чтобы поднять дух старшего товарища, что есть мочи прокричал:

— Шау, поднажмите! Хонг Диеп с трибуны наблюдает за вами!

Не поворачивая головы, он еще крепче сжал в руках руль и, насупившись, устремил взгляд прямо перед собой. От скорости его волосы и концы повязанной на голове полосатой банданы трепетали на ветру. Лодки приближались к финишу, который находился напротив трибун. Я заметил, как Хонг Диеп, показывая рукой на сампан Шау Зыонга, улыбаясь, что-то говорила сидящим рядом. Быть может, она рассказывала им о своем бывшем коллеге? Тогда интересно знать, как именно она представила его им. Я помахал рукой Шау Зыонгу. С каждой минутой его лодка прибавляла в скорости, и я тоже ускорял бег, но то и дело спотыкался, падал, поднимался и продолжал нестись дальше. Было ощущение, что я единое целое с этим суденышком и каждое мое движение вперед придает силы моему приятелю.

— Шау, давайте, подналягте! — вновь заорал я. — До финиша рукой подать!

Я кричал так, что охрип. Казалось, от моих воплей сампан Шау Зыонга набирает скорость, вот он уже почти нагнал впереди идущие лодки. До финиша остаются каких-то пятьдесят метров... всего двадцать пять... Мои возгласы тонут в громком гуле многотысячной толпы, заполонившей берега реки. ...Еще каких-то пятнадцать метров. Лодка Шау Зыонга яростно рванула вперед и стала лидером, с каждой секундой все больше отдаляясь от преследователей. Я надрывал глотку: “Шау, победа уже рядом! Ура, Шау!” В это самое время я добежал до трибуны почетных гостей.

Непозволительно пропустить момент триумфального финиша. Посмотрев на трибуну, я отыскал взглядом Хонг Диеп, мне хотелось вместе с ней разделить радость этих счастливых минут. Однако актриса была увлечена кокетливым общением с одним из сидящих с ней рядом чинуш, она слегка обнимала его за плечо своей белой ручкой в поблескивающих золотых браслетах. Ничего уж такого в этом не было, но я почувствовал, что у меня внутри что-то оборвалось. Я поспешно отвернулся. Сампан Шау Зыонга, словно тайфун, стремительно неся к цели. Казалось, изображенная на носу лодки за-

дранная кверху голова усача с открытой пастью ликовала от предчувствия близкой победы! До финиша остается лишь пять метров... И вот уже всего три метра... Но вдруг, непонятно почему, сампан развернуло поперек реки, потом подбросило кверху. Он перевернулся и пошел ко дну. Гребцы и весла разлетелись в разные стороны!

Неужто Шау Зыонг, как и я, тоже посмотрел на трибуну и заметил то же, что и я?

С трудом доплыв до берега, не снимая мокрой одежды, он убитым голосом объяснил мне:

— Это я дернул руль, вот идиот! Ну ничего, попробуем в следующем году победить!

У меня было чем его утешить:

— Хонг Диеп хочет вас видеть!

Шау Зыонг покосился на меня:

— Зачем это?

— Не знаю. Просила, чтобы вы пришли в кафе...

— Ты пойдешь со мной?

В кафе мы долго ждали появления Хонг Диеп. Она вошла, приподнимая полы аозай, и, не скрывая брезгливости, не сразу выбрала себе место. Бросила на нас быстрый взгляд, а потом осмотрелась, будто хотела понять, что тут происходит. Шау Зыонг был в своем гоночном костюме: синий низ — красный верх, перепачканном и мокрым, ткань прилипла к телу. От холода он сидел съезжившись.

— У тебя все хорошо, Хай¹? — поинтересовался он, не сумев скрыть легкую дрожь в голосе. — От семьи давно последний раз весточку получала? Съешь что-нибудь, наверняка проголодалась, ведь с самого утра здесь на гонках.

— Ты, Шау, сам давай ешь, еда поможет согреться. Твое участие в гонках — что это за ребячество такое, с ума сойти! — не удержалась от смеха Хонг Диеп. — Да ко всему прочему еще и сампан перевернулся! Я всегда говорила, что по жизни ты вечный неудачник!

Шау Зыонг так вымотался, что ему совсем не хотелось есть. Мне же он заказал огромную пиалу супа-лапши со свиной и креветками, а также бутылку лимонада. Хонг Диеп тоже съела большую пиалу такого же супа, в придачу к этому еще и побаловала себя внушительной тарелкой фруктов, а в завершение трапезы все это залила целым стаканом молока.

— Шау, давай я за все заплачу! — предложила актриса.

1. Шау Зыонг обращается к Хонг Диеп, называя ее домашним именем.

— Нет, позволь мне это сделать, — пресек ее намерение мой приятель-рыбак. — Буквально сегодня я выгодно продал усача.

— Дела у тебя идут хорошо?

— Вполне.

— А настроение как?

— Тоже хорошее.

Не найдя больше темы для разговора, Шау Зыонг попрощался с Хонг Диеп, и мы отправились с ним домой в деревню. Я был уверен, что он расстроен, ведь встреча вышла скоротечной и пресной, и никак не ожидал увидеть радость на его лице.

— Ну что, видел, Хонг Диеп все такая же конфетка! А все потому, что она печется о своей профессии актрисы. Ты заметил, сколько она ест фруктов? Поэтому и кожа у нее такая светлая, шелковистая. Ну а нам с тобой лишь бы брюхо набить, таким только и остается ходить на усача.

Случилось так, что в город нагнали несметное количество военных¹. В то время как раз закончился срок соглашения о перемирии, у этих вояк чесались руки, и они то и дело совершали карательные вылазки² в близлежащие деревни. Свои рейды они устраивали днем, а на ночь возвращались в город. Здесь они пьянствовали, дебоширили, и все им сходило с рук. От них страдали все местные пивнушки и даже театры. Эта участь постигла и труппу, в которой работала Хонг Диеп. Солдафоны вваливались в зрительный зал, о входных билетах и речи не было, плюхались на самые удобные места, закинув ноги на спинку впереди стоящих стульев, дымили сигаретами, распивали водяру, при этом рот у них не закрывался ни на секунду, а еще смеха ради они вздумали бросать на сцену камешки. После представления так называемые любители искусства вставали в дверях и, не выпуская актрис, грязно к ним приставали.

Я все это видел, когда возвращался домой из города с учебы. Рассказал Шау Зыонгу. Он стал чернее тучи.

— Что делать будем? — еле сдерживая злость, спросил он меня.

— Не знаю, что и делать, — развел руками я. — Их целая прорва, да еще у них пистолеты. Разве с ними сладишь?

Шау Зыонг, опустив голову, задумался:

— Да, у нас оружия нет, чтоб пристрелить их. Но так оставлять это тоже нельзя!

1. Речь идет о марионеточной армии Южного Вьетнама.

2. Имеются в виду карательные операции против партизан, действовавших в Южном Вьетнаме.

На протяжении нескольких дней он был молчалив и угрюм, весь ушел в свои мысли, пойманных усачей не носил в город на продажу.

Приближался Новый год по лунному календарю, обычно это горячее время для артистов, когда они дают по несколько спектаклей в день. На сей же раз труппы либо вообще не выступали, либо устраивали представления изредка. Правда, это не смогло унять пыл служаек, они продолжали наведываться в театры и требовали, чтоб к ним вызвали артисток:

— Что это за актрисы такие, которые не выходят на сцену?! Это все равно что солдаты, которые увиливают от драчки на поле боя!

Как-то после уроков я зашел к Шау Зыонгу, но его не оказалось дома. Тогда я побежал в кафе тетушки Ба.

— Он сел на весла и в город подался, — сообщила она. — Пospешай за ним!

Я тут же прыгнул в лодку и поплыл в город. Стемнело, на улицах зажглись фонари. У театра я увидел толпу народа. Солдаты выстроились в круг, а в центре стоял Шау Зыонг. Ему устроили допрос:

— Кто такой будешь?

— Рыбак, ловлю усачей.

— Так вот, рыбак, слушай сюда, — давясь от смеха, приказал один солдат. — Плюхаться в реку за усачами — это твоя затея, а наша — ходить по театрам и забавляться с актрисками. Чего ты суешься не в свое дело? Или задумал увести у нас из-под носа пару красоток?

— Никого ни у кого я не собираюсь уводить, но оставьте их в покое, — потребовал Шау Зыонг.

Солдат загоготал во все горло:

— Как же, держи карман шире! Артистки должны радовать народ, а не прятаться по чуланам. Разве не так? Ну хватит шутки шутить, придется с тобой выяснять отношения по-серьезному. Может, сам скажешь, каким образом?

— Какие тут могут быть варианты? У вас вон пистолеты, в любой момент меня пристрелите.

— Пистолеты в ход пускать не будем, — прозвучало обещание. — А если кто попытается вмешаться — подстрелим. Идет?

Шау Зыонг оценивающе оглядел свору окружавших его военных.

— Значит, без оружия, врукопашную?

— Именно так.

— Нет, нет же, — закричал я, стоя за спинами армейцев. — Их же целая орава, Шай!

Кто-то из них одной рукой схватил меня за горло, а другой — заткнул мне рот. Шау Зыонг не услышал моих увещаний, в этот момент он обговаривал условия поединка и был полностью поглощен только этим:

— Сходимся один на один, когда кто-то из вас выпадает, вступает другой. У кого перстни и часы, снимите их к едрене фене.

Первым соперником был солдат под градусом, поэтому Шау Зыонгу ничего не стоило с ним совладать: он врезал ему кулаком прямо в лоб, и тот рухнул, уткнувшись мордой в землю. Вязкий коктейль из слез, соплей и крови расплозся по земле вокруг его головы. Вторым оказался солдафон с неимоверно зверским выражением лица. Хотя он тоже был поддатым, прыгал резво, то наступая, то отступая, чем напоминал повадки хорька. Этот “зверюга” не наносил ударов кулаком, а, растопырив пальцы веером, норовил впиться и расцарапать длинными острыми ногтями лицо, шею, живот Шау Зыонгу. Мой приятель пытался увертываться, но не всегда это ему удавалось, из глубоко процарапанных на теле борозд заструилась кровь. Я, как мог, старался предупредить его о грозящих опасностях:

— Берегись, он метит в живот! Прикрой бок!

Шау Зыонг нанес противнику серию ударов, сначала движением руки прямо вперед от себя, а потом сверху вниз, после этого “зверюга” пошел на хитрость и сменил тактику: он сложил вместе кончики пальцев и, словно острием копья, несколько раз подряд пронзил живот отчаянного рыбака. Шау Зыонг, обхватив живот руками, еле держался на ногах. И в этой ситуации полной неожиданностью стал его мощный удар, который он нанес с разворота высоко поднятой ногой в шею когтерукому. Тот повалился, будто дерево, поверженное бурей, и придавил своим телом первого побитого армейца. В схватку вступил третий вояка. Силы Шау Зыонга были уже на пределе, единственное, на что он еще оставался способен, — так это обороняться. Соперник, сообразив что к чему, пытался целиться в кровоточащие раны рыбака, который вынужден был весь сжаться, чтобы прикрыть свои уязвимые места. В какой-то момент моему приятелю удалось наброситься и обхватить обидчика, не дав ему возможности нанести удар. Повиснув на нем, Шау Зыонг расслабил тело, и солдату уже трудно было сбросить с себя отяжелевшего и размякшего, точно разваренная лапша, рыбака.

— Отвали отсюда, дай мне его! — заорал другой “театрал” в погонах, засучивая рукава рубахи, скрывавшие иссиние черные татуировки на его руках.

— Так нечестно! — завопил я.

Цепкие пальцы сдавили мне горло:

— За кого ты тут заступаешься? Кто ты такой? Видать, тоже из рода усачей! Заодно и тебя сейчас прикончу!

Татуированный набросился на Шау Зыонга, нанося ему удары в лицо, живот, бока, отчего у рыбака изо рта пошла кровь. Кровь также текла ручьем из ран на лице и шее. Вся одежда окрасилась в красный цвет. Его губы и глаза опухли от ударов. Я попытался прорваться сквозь кольцо солдат, но меня отшвырнули с такой силой, что я улетел на приличное расстояние, откуда уже не мог видеть, что происходит за спинами бесчинщиков, мне лишь были слышны глухие удары, сыпавшиеся на моего приятеля. Потом раздался окрик Шау Зыонга, его голос с трудом можно было узнать:

— Добивай меня, иначе я раздеру тебя!

Прошло довольно много времени с начала этой заварухи, когда появился наряд военной полиции. Шау Зыонг еле стоял на ногах. Полицейские зажали его с двух сторон и повели разбираться. Он с трудом смог обернуться и прокричал мне:

— Не плачь, малец! Дай знать Хонг Диеп, что меня арестовали. Когда вернусь из тюрьмы, не позволю, чтобы ее обижали.

Я не смог выяснить, что было на суде и к какому сроку приговорили Шау Зыонга. Потом произошли большие перемены в стране. Я жил своей жизнью, в ней было много разных событий, которые вытеснили из моей памяти историю с этим рыбаком, да и вообще многое из того, что было связано с моей родной деревней. Туда я вернулся лишь спустя почти двадцать лет после окончания войны¹...

Шау Зыонг жил на своем прежнем месте, на стрелке острова. Казалось бы, этот клочок земли в сезон дождей должны были смыть мощные потоки воды, ан нет, за все эти годы с ним ничего не случилось.

Шау Зыонг шел, нащупывая дорогу палкой. Он ослеп, но сразу признал меня по голосу:

— Ты вернулся, малец?

— Дядюшка Шау, я успел уже постареть, — смеясь, заметил я. — Вон и волосы уже все седые.

— Все равно, ты ж не стал старше меня, — пояснил он. — Однако сколько времени-то уж прошло? Ох-хо-хо-х, я уже ничего и не помню, ни на что и не надеюсь... Ты как жил все это время? В радости? Были ли огорчения? Помнишь ли вкус супа из усача?

1. 1975-й — год завершения войны против американцев.

Я ответил, что живу, как все живут: бывают и печали, и радости. Не всегда от нас это зависит. Мне же было любопытно послушать его историю, узнать о Хонг Диеп. “У меня так же, как и у тебя, — по-разному”, — сказал Шау Зыонг. После суда он помыкался по многим тюрьмам, ему даже пришлось посидеть на острове Кондао¹. После того как отрубил срок, его отправили в армию, там он поколотил офицера и вновь оказался за решеткой. Выйдя на волю, подался в джунгли на лесозаготовки. Там, чтобы выжить, промышлял охотой. Несколько лет скитался в приморских краях. Даже каракатиц ловил. По утрам хозяин джонки отвозил таких, как он, в открытое море, там высаживал на тесные круглые плетенки, и целый день они проводили на воде под палящими лучами солнца. Шау Зыонга постоянно терзала тревога, а вдруг хозяин джонки вечером забудет забрать его, это было бы равносильно смерти. Короче говоря, где его только ни носило. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, он всегда помнил о Хонг Диеп, справлялся о ней. И на сердце у него становилось легко, когда узнавал, что в жизни у нее все в полном порядке, да и покровители помогают. Сам он смог справиться со всеми выпавшими на его долю трудностями, даже теми, которые казались непреодолимыми.

— Вот такие дела, малец, — подвел итог своему рассказу Шау Зыонг. — Что ж, наконец-то и я, и ты — мы оба вернулись сюда, Хонг Диеп по-прежнему живет в городе по соседству. Все идет своим чередом, и каждый из нас доволен своей жизнью. Так что не переживай за меня. И тебе мой совет — в жизни не надо суетиться. Давай-ка поужинай со мной. Пусть я не разбогател, но все-таки у меня есть чем тебя попотчевать: и отменный рис, и суп из усача. А попозже сходишь в город к Хонг Диеп, передашь от меня привет...

Я вышел на берег, где острие острова разрезает реку на два рукава, потоки воды закручивались воронками, которые то и дело принимали причудливые формы, а потом неожиданно исчезали, не оставляя следа...

1. Остров в Южно-Китайском море. При французской колониальной администрации и во время американского присутствия во Вьетнаме на острове Кондао функционировала одна из самых больших в мире тюрем, в которую помещали борцов за независимость страны.